

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

М.: Наука. 1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
научный совет по истории мировой культуры
КОМИССИЯ ПО КУЛЬТУРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

© Коллектив авторов, 1999

© В.Ю.Яковлев, художественное оформление, 1999

© Российская академия наук, 1999

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 98-02-16345

Редколлегия: к.ист.н. *Е.И.Лебедева*, к.ист.н. *Н.Ю.Плавинская* (отв.секретарь), д.ист.н. *А.В.Чудинов*

Ответственный редактор: д.ист.н. *Г.С.Кучеренко*

Рецензенты: кандидаты исторических наук *Л.Н.Вдовина*, *Г.С.Черткова*

В статьях сборника рассматриваются проблемы культуры эпохи Просвещения во всем единстве и многообразии ее форм. В центре внимания находится личность в разных ее проявлениях: монарх, философ, писатель, политик, деятель культуры. На широком историческом материале исследуются ценностная ориентация человека XVIII — начала XIX в., пути его нравственной, идейной и политической эволюции, поиски собственного места в общем культурном движении эпохи. Для историков, литературоведов, философов и всех, кто интересуется историей культуры и общественной мысли нового времени.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения 2009*

Содержание

МНОГООБРАЗИЕ ЛИЦ

Л.А.Пименова. Людовик XVI — французский король века Просвещения

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/lpimen2.pdf>

Т.А.Лабутина. Идеиное наследие английского Просвещения в творчестве энциклопедистов Франции

<http://ideashistory.org.ru/pdfs/06labutina.pdf>

Е.Б. Рубинштейн. Лорд Болингброк: путь философа

Л.Г.Кислягина. Н.М.Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/karamz-enl.pdf>

***И.И.Лещиловская*. Захария Орфелин — сербский энциклопедист XVIII в.**

А.Ф.Строев. Бернарден де Сен-Пьер и Екатерина II

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/bern-sp.pdf>

ПОИСКИ ФОРМЫ

М.В.Разумовская. Новый Свет и французский роман первой половины XVIII в.: "естественный человек" против "старого порядка"

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/americ.pdf>

В.А.Алташина. Аббат Прево: писатель, журналист, географ и историк

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/prevost.pdf>

С.Б.Каменецкая. Н.М.Карамзин: два героя, два литературных типа эпохи Просвещения

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/karamz-enl.pdf>

НОВЫЕ ЦЕННОСТИ

И.В.Щеблыгина. Нравственная позиция А.Т.Болотова в системе его ценностных ориентации (К вопросу о системе ценностей русского образованного дворянства второй половины XVIII в.)

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/bolotov.pdf>

М.Л.Крючкова. Феномен "философской жизни" в русской культуре XVIII в. (По поводу мемуаров И.Д.Ершова)

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/ershov.pdf>

А.В.Тырсенко. 1791 год в политической эволюции Антуана Барнава

http://vive-liberta.narod.ru/journal/barn_tyrs.pdf

А.В.Чудинов. Суровое "счастье Спарты" (Современники Французской революции о феномене Террора)

<http://liberte.newmail.ru/Tchoudinov2.htm>

ПУТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Д.А.Ростиславлев. Жозеф де Местр о целях и перспективах просвещения в России

Ж.А.Ананян. Лазаревский Институт восточных языков в контексте русского Просвещения

И. И. Лещиловская

Захария Орфелин — сербский энциклопедист XVIII в.

В середине XVIII в. у сербов начался переход от культуры позднесредневекового типа к культуре нового времени. Сербское общество, оставаясь верным православным принципам, стало выходить за рамки средневековых догм и нормативного мышления. Оно выдвинуло из своей среды деятеля, отмеченного жаждой познания жизни, духовными исканиями и стремлением к обновлению мира. Это был Захария Орфелин, ставший одним из самых значительных представителей сербской культуры XVIII в.¹

Захария Орфелин (1726—1785) самостоятельно приобрел познания в области разных наук и искусств. В течение семи лет он учительствовал в Нови-Саде, затем служил в канцеляриях православных церковных сановников. В 1764—1770 гг. он работал ревизором в «греко-православной» типографии предприимчивого грека Димитрие Теодосие в Венеции. В 70-х годах Орфелин, живая натура, менял места жительства и деятельности, задерживаясь то в Нови-Саде, то в Сремски-Карловцах, то в Темишваре (ныне это Тимишоара в составе Румынии). В 1783—1784 гг. он служил в должности корректора в венской типографии И. Курцбека, получившего монопольное право на издание книг кириллицей в государстве Габсбургов. Умер Орфелин в бедности, как это часто бывало с людьми, опередившими свое время, на хуторе епископа Бачки близ Нови-Сада².

З. Орфелин, светский деятель сербской культуры, отличался широтой кругозора и многоплановостью дарования. О разносторонности его интересов свидетельствовала, в частности, его библиотека. Не будучи человеком материально обеспеченным, при дороговизне книг он собрал тем не менее солидную для своего времени библиотеку, насчитывавшую более 200 томов. Большинство из них составляли богословские сочинения, остальные были посвящены истории, филологии, искусству, медицине и естественным наукам. Подавляющая часть книг была на немецком, латинском, итальянском и русском языках, на французском языке — словари³. Это была одна из лучших частных библиотек у сербов в XVIII в. Она свидетельствовала о незаурядной личности владельца, тяготевшего к новому укладу жизни. Но знакомство его с литературой было, безусловно, гораздо шире. З. Орфелин мог пользоваться, в частности, митрополичьей библиотекой в Сремски-Карловцах — самым богатым сербским книжным собранием того времени, располагавшим солидным российским фондом. Любопытный и активный, Орфелин проявил себя в разных областях сербской культуры, явившись основоположником некоторых из них. Он был каллиграфом, рисовальщиком, гравером на меди, поэтом, историком, журналистом. Длительное пребывание в европейских культурных центрах, в Венеции и Вене, сказалось на идейно-художественной стороне его творчества, но всю свою жизнь он духовно тяготел к России.

Вместе с тем биографические сведения об Орфелине крайне скудны. Он подписывал, как правило, церковные произведения, в то время как светские сочинения, составившие гордость национальной литературы, издавал анонимно или выпускал одно и то же сочинение с разными вариантами титульного листа и предисловия. Мотивы подобных действий были, по-видимому, в разных ситуациях неодинаковы. Во всяком случае, анонимная литературная деятельность оградила его от неприятностей в отношениях с православной церковью. До конца жизни он пользовался расположением церковных сановников.

3. Орфелин начал творческую деятельность в 1757 г., создав рукописную книгу в честь епископа Бачки — «Приветствие Моисею Путнику». Богато иллюстрированная, она стала одной из самых красивых сербских рукописных книг. Панегирик был написан на церковнославянском языке силлабическим стихом в духе русской поэзии XVII-XVIII вв. В том же году Орфелин занялся в Сремски-Карловцах, где он имел «медную типографию», выпуском цельногравированных книг, выполненных в технике резцовой гравюры на меди. Тогда это было модно в Европе и восполняло отсутствие у сербов типографии. Орфелин до конца жизни обращался к гравюрной технике воспроизводства книг. Он издал несколько собственных сочинений, в том числе три «Каллиграфии» — учебника красивого письма (1759, 1776, 1778 гг.).

В 1761 г. З. Орфелин напечатал в Венеции на русском церковнославянском языке стихотворение «Горестный плач славныя иногда Сербии». Но в продажу оно не поступило. В 1762 г. поэт выпустил другую редакцию этого произведения на народном языке под названием «Плач Сербии»⁴. Родолюбивая тема так или иначе и раньше звучала в сербской литературе. Но никогда до Орфелина с такой болью не противопоставлялось блистательное прошлое и бесславное настоящее Сербии. Стихотворение имело подзаголовок «Еяже сини в различния государства расеялися». Понятие «Сербия» поэт распространял на весь сербский народ, разобщенный и задавленный. «Плач Сербии» стал первым печатным произведением на народном языке сербов. Поэт проявил себя мастером тринадцатисложного силлабического стиха, вошедшего в сербскую литературу в 30-х годах XVIII в. как показатель поэтического профессионализма. В стихотворно бедной сербской литературе «Плач» явился предвестником поэзии нового идейно-художественного типа.

С этого стихотворения началось идейное и творческое восхождение Орфелина. В зрелый период творчества он написал ряд поэтических сочинений, издал один выпуск первого на славянском юге журнала «Славено-сербский магазин» (Венеция, 1768) и положил начало выходу сербских календарей. Орфелин был первым сербом, издавшим ряд учебников. До конца жизни он продолжал также работать в области гравюры. Но его главным трудом было знаменитое двухтомное сочинение «Житие и славныя дела... Петра Великаго» (Венеция, 1772).

Сербский деятель не оставил после себя специальных трактатов мировоззренческого характера. Свои взгляды он изложил в предисловии-манифесте к журналу и в труде о Петре I. Орфелин первым из сербских мыслителей сделал шаг от средневекового провиденциализма к рационализму: он воспринял «просвещенный разум» в качестве движущей силы в жизни, а знания и науку объявил средством достижения благополучия общества⁵.

О культурном процессе в Европе он писал: «Век настоящий толико много мудрых мужей у Европи произвео, что до овога сви протчие едва ли толиким числом снабдени были»⁶. При этом он обратил внимание на приближение в европейских странах «высоких наук» к потребностям тех, «кои не могли быта у школах, да к знанью наук великую охоту имут, разсуждаваучьи праведно, что без тога скоту быти природно, а человек свакога и наиподлейшего состоянья, есть ли скотам безсмысленным уподобитесе нерад, тога конечно требует».

Он отмечал отказ «мудрых мужей» от латинского языка и переход на разговорный язык своих народов. «Едным словом, — заключал он, — свякога езыка народ имаде сад (теперь. — И.Л.) книге на собственном своем (т.е. с коим говорит) езыку...»⁷. Говоря о проблемах сербского общественного развития и исходя из европейского опыта, З. Орфелин сформулировал положение о важности светской культуры в жизни каждого народа и необходимости приобщения к знаниям широких слоев населения, прежде всего с помощью литературы на родном языке. Впервые он заговорил о необходимости преодоления в сербских условиях элитарности профессиональной культуры, ее оторванности от жизни простого народа. При этом его идеалом, в духе умеренных политических концепций европейского Просвещения, являлся «просвещенный» монарх-преобразователь.

Критическое осмысление Орфелиным современности отразилось в «Представлении Марии Терезии» (1778), направленном ей в связи с реформами православной церкви и не предназначенным для печати. Называя себя «ненавистником и неприятелем злоупотреблений, беспорядков и своеволия высшего клира», он выразил поддержку церковной политике Марии Терезии и подверг резкой критике положение в сербской православной церкви и образ жизни высшего духовенства. Он обвинял православных сановников в «эгоизме и корысти», «безбожных доходах» и взяточничестве, деспотизме и своеволии, клеймил епископов как «убийц тела и души» людей, разоблачал невежество приходских священников, алчность и распущенность монахов⁸. Для ограждения народа от злоупотреблений высшего клира и возвращения к «истинному евангельскому христианству» Орфелин призывал Марию Терезию к дальнейшему развитию реформ церкви, установлению в ее лоне строгих правил, демократизации церковных институтов⁹. В его позиции нашли свое отражение идеи вдохновенных проповедников европейской Реформации.

Творчество З.Орфелина положило начало разрушению идейной монолитности сербской профессиональной культуры. С этого времени в ней стал все громче звучать голос новых общественных сил. Но у самого Орфелина критические взгляды не сложились еще в целостную и последовательную мировоззренческую систему: не хватало смелости, ощущения духовной свободы, полного отрешения от подавляющего церковного авторитета. Это объяснялось как неразвитостью общественной жизни, так и личностными чертами сербского деятеля. В свое время Орфелин был одинок идейно и творчески. Некоторые из его начинаний получили развитие лишь в конце столетия, но главное — начало было положено.

Новаторство З.Орфелина проявилось прежде всего в области словесности. В то время в сербской литературе функционировали три типа языка: церковнославянский язык русской редакции, язык русской светской литературы и народный сербский. На практике они обычно в чистом виде не выступали. Из хаотического сочетания этих трех элементов формировался смешанный литературный язык, получивший название «славено-сербского»¹⁰. Осознавая, что литература в языковом отношении должна быть приближена к читателю, Орфелин пытался решить эту задачу на основе современного ему русского опыта употребления литературно-языковых «стилей», путем применения в разных литературных жанрах различных языковых систем". Его главные зрелые произведения «Магазин» и «Житие» были написаны на русском языке, подвергшемся сербизации, а в поэтическом творчестве он прибегал к народному сербскому языку. Орфелин же положил начало переходу от церковного к гражданскому шрифту в печати, введенному в России Петром I, хотя и не всегда придерживался его.

Зарождение у сербов нового мироощущения в сочетании с русским и западным влиянием дало импульс развитию светской литературы. Орфелин стал главной ее фигурой в середине XVIII в. Он хорошо знал поэтическую метрику, свободно переводил с немецкого языка. Писатель сыграл значительную роль в развитии поэтических жанров, введя в родную литературу сонет, эпиграмму, оду, хотя они не были оригинальными, а заимствовались из русских источников; в числе первых он применил силлабо-тонический принцип стихосложения. Орфелин придал сербской литературе современные европейские черты. Вместе с тем творчество писателя отличается постоянным обращением к российской церковной литературе, в частности к богословским сочинениям Петра Могилы и Феофана Прокоповича. В 60-х годах XVIII в. у сербов зародилась светская моралистическая литература, отмеченная робкими проявлениями нового взгляда на человека и его место в жизни. Зачинателем ее также стал Орфелин, опубликовавший в «Магазине» несколько нравоучительных материалов, почерпнутых из русских изданий.

«Житие и славныя дела... Петра Великого» заняли особое место в развитии сербского барокко. Графическая часть этого труда, выполненная автором несколько позже, отличается законченностью форм барочной гравюры, но в самом тексте эстетика этого направления проявилась с меньшей определенностью, сочетаясь с ценностными критериями и нравственным идеалом Просвещения. В то же время в зрелом литературном творчестве писателя чувствовалось уже дыхание классицизма (освоение, например, поэтического жанра оды). Таким образом, характерной чертой сербской художественной культуры второй половины XVIII в. стало сочетание взаимоисключающих эстетических принципов и тенденций. Наиболее полно приверженность Орфелина барокко получила выражение в графике.

В третьей четверти XVIII в. в сербском обществе еще функционировала рукописная книга, и Орфелин стал большим мастером книжной миниатюры: он щедро иллюстрировал панегирик «Приветствие Моисею Путнику» портретными миниатюрами Франца I, Марии Терезии, митрополитов Павле Ненадовича и Моисея Путника, рисунками с ликами святых. Однако гравированная иллюстрация постепенно вытесняла миниатюру в художественном оформлении рукописных книг¹². С творчеством Орфелина был связан подъем резцовой гравюры на меди. Простота и доходчивость графического искусства позволяли художнику обращаться к самой широкой аудитории. Гравюра стала играть немаловажную роль в формировании духовного мира, эстетических запросов и вкусов сербской публики.

Орфелин идейно обогатил, ввел новые жанры и расширил применение гравюры. Он создал ряд самостоятельных произведений на религиозные темы. Новизна его графических икон заключалась в декоративном обрамлении («Богородица Боджанская»), выразительности образов — то величественно-торжественных («Князь Лазарь»), то изысканно-непринужденных («Св.Георгий»), то лирико-поэтических («Богоматерь Винчанская», в основе которой лежала икона Владимирской Богоматери). Орфелин использовал при этом немецкие рисунки. Он прибегал иногда к иконописным схемам, подчеркивая тем самым исторические корни гравированных икон. К числу лучших работ мастера относились гравюры с видами монастырей Кувеждина и Крушедола. В жанре портрета была выполнена гравюра с изображением митрополита Павле Ненадовича¹³.

В истории сербской графики XVIII в. особое место занимают иллюстрации и декоративно-художественное оформление печатных книг Орфелина, прежде всего его труда о Петре I. История этой монографии полна загадок, которыми вообще изобиловали жизнь и творчество Орфелина. В издании, вышедшем в 1772 г., не было иллюстраций, хотя о них и упоминалось в тексте. Позже писатель создал еще один вариант книги, получившей название «История о житии и славных делах Петра Перваго», но дата ее выхода была оставлена прежняя — 1772 г. Книга была снабжена гравюрами, выполненными художником на исходе 1779 г.¹⁴ 72 гравюры составляли с текстом идейно-художественное целое. Орфелин украсил свой труд искусным портретом Петра I, историческими и географическими картами, полотнами на исторические темы (батальные сюжеты, казнь стрельцов), изображениями памятных медалей и печатей, многочисленными заставками, виньетками и т.д. При создании графического изображения Петра I в латах и с Андреевской лентой он опирался на гравюры Е.Р.Чемесова и Клода Руа. Они же, в свою очередь, использовали портрет Петра I, выполненный маслом в 1717 г. Ж.-М.Наттье. Медали и карты и другие гравюры были сделаны по немецким образцам первой половины XVIII в.¹⁵ Иллюстративный материал отличался идейной новизной и безукоризненным художественным исполнением. Орфелин впервые в сербском изобразительном искусстве раскрыл в портрете Петра I и гравюрах, отражающих его деяния, красоту просвещенной Личности. Однако иллюстрированная «История» Орфелина затерялась в библиотеках редких православных монастырей, и ее гравюры остались практически неизвестными сербской публике.

Классическая гравюра играла у сербов значительную роль в качестве репродукционной техники тиражирования книг. Цельногравированные книги, украшенные виньетками, иллюстрациями и т.д., требовали кропотливой работы. Орфелин вошел в историю сербской графики как непревзойденный мастер резцовой гравюры в стиле барокко. Его лучшие работы, особенно оформление труда о жизни Петра I, отличались большой пластичностью изображения, богатством орнамента и гибкостью составных переходов, хотя смелость и художественность не всегда сочетались у него с оригинальностью рисунка. Граверное искусство Орфелина получило признание. Первым из сербов он стал членом Венской академии изобразительных искусств. Мастер был удостоен также высочайшей награды Марии Терезии за цельногравированную книгу «Славенская и валахийская каллиграфия» (Сремски-Карловцы, 1778), созданную по предложению Иллирской придворной депутации — высшего учреждения, ведавшего Делами сербов в габсбургском государстве¹⁶. С творчеством Орфелина сербская резцовая гравюра встала на самостоятельный путь развития, совершив раньше, чем другие виды искусства, переход от церковных и религиозно-назидательных образов к светским историческим и современным сюжетам.

Именно З.Орфелиным было положено у сербов начало концептуальному осмыслению истории. Его обращение к петровской России было связано с культом Петра I в сербском обществе. В атмосфере укрепления российско-южнославянских связей народнопоэтическая и письменная сербские традиции представляли Петра I как военного героя и покровителя христиан. Орфелин в своем труде выразил совершенно новый взгляд на Россию и ее великого императора.

«Житие и славные дела... Петра Великого» представляли собой исторический труд. Но Орфелин был художником по натуре, его восприятие современного мира и истории было окрашено эстетическим чувством. Это сделало его главное творение удивительным синтезом науки и искусства. Как явствует из Предисловия, Орфелин работал над книгой пять лет¹⁷. Прежде чем приступить к теме, он в самой общей форме охарактеризовал работы, посвященные Петровской эпохе. Попытка описания исследований по конкретной проблеме была новаторской и означала зарождение у сербов истории исторической науки. Орфелин опирался на русские источники, российскую и западную литературу по истории и географии России, Европы и Азии. Всего в списке использованных им материалов значилось 46 позиций, ряд из которых включал многотомные издания. Сам автор особо выделил сочинения сподвижника Петра I, вице-канцлера П.Шафирова, о Северной войне 1700—1721 гг. и труды Г.Ф. Миллера по русской истории. Трудно утверждать, насколько он действительно использовал названные им источники и литературу. Во всяком случае, 32 книги из приведенного списка имелись в его собственной библиотеке.

В сербских условиях новшеством было и введение в научный оборот исторических карт. Часть их затем поступила на книжный рынок — «Генеральная карта Всероссийской империи», карты северной части Европы времен Петра I, Крымского ханства с прилегающими губерниями России, арены военных действий в период Северной войны, раннесредневековой Юго-Восточной Европы — «Паннония, Мизия, Дация, Иллирик» и «Сармация европейская и азиатская».

Автор критически подошел к источникам и литературе. Он понимал, что наилучшим способом проверки фактов являлись бы разыскания в российских архивах. Но, находясь от них «толь в дальнем расстоянии», историк не мог ими воспользоваться¹⁹. Принципом его критического метода стала проверка сведений, сообщаемых западными авторами, материалами русской историографии. Монография по ряду конкретных вопросов снабжена научным аппаратом. Орфелин сопоставлял фактические данные, почерпнутые из разных работ, отмечал ошибки и неточности, полемизировал с некоторыми авторами по конкретным аспектам российской истории. Введенный им критический метод был завоеванием сербской исторической мысли.

3. Орфелин написал книгу на русском языке с сербизмами и издал ее гражданским шрифтом. Он старался, по его словам, «вести такой слог, какой сербским народам понятен»²⁰. Вместе с тем выбор языка указывает на то, что автор сознательно ориентировался и на русского читателя. Научный текст Орфелин оживил стихотворениями, почерпнутыми из русского журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Они принадлежали (за исключением одного) А.П. Сумарокову. Орфелин предварил повествование описанием географического положения, современного ему административно-политического устройства России и кратким очерком ее истории, «чтоб благосклонные читатели возымели наперед точное понятие о состоянии, о могуществе и о величестве онаго царства...», а «из древней Российской истории увидели б они, коль в глубокой тме неучения и беспорядочнаго правления находилась Россия, и что Петр Великий был первой, который собственным своим разумом и собственным своим трудом оную из такой тмы вывел на свет, на ко-торого без блистания великаго и удивления смотреть не можно»²¹.

Хотя Орфелин задался целью показать во второй главе «тму» и дикие нравы допетровского времени, однако реальный исторический материал — борьба русских князей против нашествия Батыя, за освобождение от ордынского ига, значительность роли Руси в Европе и т.д. — неизбежно разрушал искусственные рамки придуманной автором схемы. Российская история представляла во всей ее сложности и противоречивости. Но в самом стремлении Орфелина показать возвышение России в XVIII в. заключалась великая идея прогресса. В результате сербские читатели получили книгу, написанную с позиции заинтересованности в судьбах русского народа. Орфелин был в курсе современных ему взглядов, самостоятельно разобрался в них, ориентируясь на наиболее обоснованные, с его точки зрения, суждения петербургских историков. Он отобрал важнейшее в прошлом страны, окрасив изложение своим эмоциональным восприятием. Исторический очерк отвечал уровню знаний той поры, а его слабые черты отражали младенчество сербской исторической науки. Однако он был не просто повествованием о прошлом русского народа, но и воспоминанием о минувшей целостности славян и примером патриотического противостояния иноземным завоевателям.

В центре внимания 3. Орфелина были личность и деяния Петра I Новым было изображение императора как преобразователя России Царь действовал, говорилось в книге, «к прославлению своего отечества»²² и перестроил Россию с помощью просвещенного разума, используя опыт образованных народов. Все в монографии взывало к преклонению перед гигантской фигурой главы Российского государства. Автор не скупился на самые возвышенные эпитеты, называя его «просветителем российским», «благородной душой», «преславным полководцем», «отцом отечества» и т.д.²³ Он подчеркивал живой интерес Петра ко всему новому, широту и глубину его знаний Писатель отмечал в нем чувство долга перед отечеством и твердость, энергию и настойчивость, любознательность и трудолюбие, проницательный ум и просвещенность.

3. Орфелин первым обстоятельно познакомил сербов с современной им Россией, сообщив своим читателям разнообразные сведения о жизни российского общества. Правда, его взгляды не всегда были свободны от идеализации и преувеличений, что объяснялось его общественно-политической позицией, общеславянским родолюбием, а также характером использованной им литературы. В самой России критическая мысль находилась еще в состоянии становления

В описании России третьей четверти XVIII в. наглядно воплотилась основная идея Орфелина — идея могущества и величия Российского государства и его преобразователя Петра I. В двухтомном сочинении сербского писателя предстал образ независимой России, пользовавшейся высоким международным авторитетом, игравшей важную роль в судьбах Европы. Доказывая, что просвещенная Россия стояла вровень с другими европейскими странами, Орфелин внушал своим читателям уважение к России, гордость за успехи славянского государства, важность для сербов его исторического опыта.

Такой образ современной России способствовал не только формированию сербского общественного мнения о ней, но и пробуждению духовных сил сербов для решения собственных, внутренних задач. Все связанные с Россией вопросы, которые Орфелин поднимал в своей книге, имели актуальное значение для самих сербов, так как касались хозяйственного развития и положения отдельного народа в структуре многонационального государства, веротерпимости и свободы отправления культа, статуса церкви и состояния светской науки и образования, контактов с другими народами. Современная Россия предстала в труде Орфелина как конкретный, реальный образец решения животрепещущих проблем сербского общества. Раскрывая возможность их решения, монография Орфелина будоражила умы и души сербов и побуждала их к общественной активности. Политическая окраска этого труда не ускользнула от официальной Вены. Цензура запретила распространение монографии в стране²⁴.

Как уже отмечалось, историческое сочинение Орфелина не было лишено художественных черт барокко. Автор особенно ярко изображал торжественно-парадные картины — триумфальные шествия, великолепные фейерверки по случаю военных побед, царские приемы, обеды, детально описывал батальные сцены, а также жестокие расправы, похоронные процессии. Для усиления эмоционального воздействия на читателя Орфелин прибегал к сравнению и гиперболизации, параллелям с античностью. Орфелин использовал литературные приемы барокко — принципы контраста (Петр I — Карл XII, варварство — цивилизация), сопоставления (Россия до и после Петра I), антитезы (добро — зло) и т.д. Писателю не была чужда некоторая экзальтированность, особенно в описании трагических сцен. Благодаря всем этим приемам серьезный исторический труд читался как взволнованное повествование о необычной жизни гениального преобразователя России, его победах и поражениях, свершениях и неосуществленных надеждах, о возвышении великой славянской державы.

В Предисловии к двухтомнику З.Орфелин скромно писал: «...Но притом предъуведомляю, что в сей Истории разсуждений моих или вовсе нет, или весьма мало...»²⁵ Он называл себя лишь «собирателем» исторического материала. Несомненно, автор многим был обязан исторической литературе. Тем не менее он внес в это сочинение так много личных раздумий, так мастерски описал минувшие времена в жизни России, что можно вполне обоснованно рассматривать «Житие» как самостоятельное произведение, отмеченное яркой творческой индивидуальностью его создателя. Именно поэтому оно стало первой сербской книгой, привлекавшей к себе внимание за рубежом и удостоившейся «перевода» на русский язык. К труду Орфелина обращался сам А.С.Пушкин во время работы над историей петровского времени. Значение «Жития» состояло также в том, что оно, хотя и в скрытой форме, излагало историко-философскую концепцию развития народа, намечало путь в будущее — через овладение знаниями. Книга Орфелина предвещала наступление нового периода в истории сербской культуры — периода Просвещения.

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Предвестником специальной экономической литературы у сербов стала книга З.Орфелина «Искусный погребщик» (Вена, 1783), посвященная важной отрасли сельского хозяйства — виноделию. Она трижды переиздавалась в XIX в. (1808, 1874, 1885), что было редким явлением в сербских условиях. *И. И. Лещиловская*

Захария Орфелин — сербский энциклопедист XVIII в.

Развитие школьного образования требовало издания учебных пособий. И в этой области Орфелин был первым сербом, который занялся вопросами практической педагогики. В 1767 г. в Венеции он издал букварь «славянского языка» (русского церковнославянского) для сербского юношества, опираясь на буквари, изданные в Петербурге и Вене. В предисловии к учебнику Орфелин предложил игровой метод обучения малолетних детей азбуке без букваря, советуя использовать для этого картинки с изображением букв²⁶. Этот педагогический прием позволял ввести дошкольное обучение и означал отход от зубрежки. Орфелин опубликовал «Латинский букварь» с кратким словарем в переводе на "славено-сербский" язык (Венеция, 1766), а также издал пособие «Первые начатки латинского языка» (Венеция, 1767), содержавшие латинскую грамматику и учебные диалоги. Хотя в основе этой книги лежали издания Петербургской академии наук, она содержала и научный вклад самого Орфелина. Вошедший в нее словарь был латинско-русско-церковнославяно-сербскохорватско-немецким, но принцип многоязычия не всегда выдерживался. В название книги было вынесено понятие «славяно-сербского» языка, однако во многих случаях в словаре была представлена народная лексика. Это была первая лексикологическая работа в области сербскохорватского языка²⁷.

Во второй половине XVIII в. у сербов появились справочные издания в виде календарей. Первый из них в 1766 г. выпустил З.Орфелин, используя русский образец. Большую популярность получил его «Вечный календарь», вышедший в Вене в 1783 г. Он переиздавался в 1789 г. в Вене и в 1817 г. в Буде. Содержавшийся в нем материал выходил за рамки кратких календарных сведений и носил характер научных статей. Больше половины его объема занимали тексты естественнонаучного профиля. Они были составлены Орфелиным на основе иноязычных изданий и представляли собой первое обращение сербов к естественной проблематике. Автор искусно иллюстрировал «Вечный календарь». Фронтисписом стала одна из лучших его гравюр — «Сотворение мира». Карты Орфелина свидетельствовали о зарождении у сербов научного географического знания.

З.Орфелину принадлежала идея развития сербской периодики как средства распространения знаний в широких слоях общества. Он выдвигал в ее пользу прагматические соображения: небольшой объем таких изданий и периодичность их выхода могли приохотить грамотных сербов к чтению. «Такое преползное дело отправляе сад (теперь. — *И.Л.*) у сваком знатном обществе», — заключал он в предисловии к «Славяно-сербскому магазину»²⁸. Орфелин пытался реализовать эту идею на практике. Программа журнала «Славяно-сербский магазин» предполагала освещение широкого круга вопросов по географии, педагогике («благочестивому воспитанию»), этике, истории, искусству, а также публикацию полезных хозяйственных советов и развлекательных материалов. Журнал был рассчитан на широкого читателя, «какового бы год тко звания и понятия быо»²⁹. Призывая «дражайших патриотов» к участию в журнале, он предоставлял им свободу изложения взглядов и обещал печатать сочинения «са сваком верностью, ничега ни убавляя, ни прибавляя без нарочитог ньиовог позволенья»³⁰. Каждый «трудолюбитель» мог при желании подписать свои сочинения. Такая постановка вопроса означала отказ от средневековой модели литературного творчества, признание индивидуальности автора, его эмансипации. Все это было ново, необычно и неожиданно для сербского читателя. Планы Орфелина свидетельствовали о широте его взглядов, но обнаруживали и его иллюзии, поскольку сербское общество не было подготовлено ни к восприятию, ни тем более к поддержке солидного для того времени периодического издания.

3. Орфелин хотел побудить сербов к изучению своей истории. «Особливую бы и вечную похвалу, — писал он, — заслужили оные, кои бы труд и тщание свое приложили, изискавати и списывати древности сербскаго народа, о чем до сада на других езыках делано, а на нашем едва ли где у кога находится»³¹. Исходя не только из прагматических просветительских задач, но и ориентируясь на более широкие потребности своего времени, Орфелин проникся сознанием важности и ценности историографии в современном ему понимании.

«Славено-сербский магазин» был составлен по образцу русской литературно-научной периодики. Издатель опирался на «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» — периодическое издание Академии наук, выходившее в 1755—1764 гг. под редакцией Г.Ф.Миллера, а также на другие русские журналы: «Невинное Упражнение» — литературно-философское издание, выпускавшееся Е.Р.Дашковой под редакцией И.Ф.Богдановича, и «Свободные часы» (1763) под редакцией М.М.Хераскова. Формат «Славено-сербского магазина», расположение материала в нем, даже бумага напоминали русские издания³². Орфелин напечатал в журнале наставления Феофана Прокоповича царскому отроку в основах православной религии; поучения молодому человеку, желающему определиться на военную службу; нравоучительную восточную притчу; исторический источник (сомнительной достоверности), «Письмо кесаря Диоклитиана к далматийскому народу», которое даровало свободу далматинцам; сонет, эпиграммы (оригиналы принадлежали А.П.Сумарокову); медицинские и практические советы и библиографию.

Еще в календаре на 1766 г. Орфелин опубликовал библиографические сведения о сербских книгах, а также о русских изданиях, вышедших в Петербурге, познакомив с ними сербское общество³³. В журнале он не только поместил библиографические данные о четырех сербских учебниках, первой сербской литургической книге и катехизисе Феофана Прокоповича, но и дополнил их сведениями, касающимися автора, или критическими замечаниями. Так, Орфелин перепечатал биографию Феофана Прокоповича на русском языке, написанную Г.Ф.Миллером. Из четырех приведенных в библиографии учебников три принадлежали Орфелину. Но фигурировали они анонимно, и критические замечания автор адресовал самому себе! Это один из примеров его неразгаданных творческих приемов. Таким образом, Орфелин стал основоположником не только сербской библиографии, но в зачаточной форме и рецензий как журнального жанра.

В каждый исторический период культура имеет высшие точки своего проявления. У сербов в третьей четверти XVIII в. такой духовной кульминацией было творчество Захарии Орфелина, человека с идеями и принципами преобразователя, способствовавшего обновлению сербской культуры и ее включению в общеевропейский культурный процесс. Ориентируясь на Россию, он был духовно открыт и для Запада.

Однако Орфелин оставался личностью противоречивой. Смелость его мысли не находила адекватного выражения в его печатных работах. Беззаветная любовь к светскому просвещению и благоговейное отношение к науке сочетались с выпуском богословских книг церковным шрифтом¹ и многочисленных гравюр на религиозные темы. Орфелин стремился быть ближе и понятнее родному народу, но использовал русский язык в своих основных произведениях. Дерзкие мысли о клерикальной среде не мешали ему трудиться в сановных канцеляриях. Орфелину не хватало раскованности, внутренней свободы. Человек удивительно многогранно одаренный, он явно не раскрылся в полную меру под давлением жизненных обстоятельств. Внутренний цензор часто сковывал его природный и развитый образованием живой ум, мешая проявлению присущей ему изысканности вкуса.

- 1 См.библиографију о жизни и деятельности З.Орфелина: Маринковић Б. *Bibliographia Orpheliniana* // Годишн. ак Филозофског факултета. Нови Сад, 1973. Кн.16, св.2; Он же. *Bibliographia Orpheliniana* // Там же. 1975. Кн.18, св.2.
- 2 Остојић Т. Захарија Орфелин: Живот и рад му. Београд, 1923; Паланчанин С. *Data Orpheliniana* // Орфелиново Житије Петра Великог. 1772-1972. Нови Сад, 1972.
- 3 Дурковић-Јакшић Љ. Орфелинова библиотека // Споменица о 250-годишњици рођења а Захарије Орфелина. Београд, 1976. С.43, 46, 48.
- 4 Михаиловић Г. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964. С.59.
- 5 См: Славено-сербский магазин. В Венеции, 1768. Т.1, ч.1. С.77; Житие и славныя дела... Петра Великаго. В Венеции, 1772. Ч.1. Предисловие. Б/с (далее — Житие).
- 6 Славено-сербский магазин. С.3.
- 7 Там же. С.4, 5.
- 8 Орфелин З. Представка Марији Терезији. Нови Сад, 1972. С.27, 31, 33, 73,107.
- 9 Там же. С.83.
- 10 О языковой ситуации у сербов в XVIII в. см.: Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988; Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII века. М., 1993.
- 11 Толстой Н.И. Указ.соч. С.181, 189, 192.
- 12 Чурчић Л. Захарија Орфелин и српска кк.ига // Споменица... С.29-30
- 13 См. Давидов Д. Српски бакорези 18. века. Нови Сад, 1983.
- 14 См. Форишковић А. Две белешке о Захарију Орфелину // Матица српска Зборник за књижевност и језик. Нови Сад, 1969. Кн.17, св.2. С.259; Паланчанин С. Указ.соч. С.15.
- 15 Давидов Д. Бакорезне илустрације Захарије Орфелина у Историји Петра Великог // Зборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1974. Т.10.
- 16 Маринковић Б. Извори из Орфелинову прописку (I). Прилози // Споменица... С.119.
- 17 Житие. Предисловие. Б/с.
- 18 Михаиловић Г. Указ.соч. С.116, 118-120, 124-126.
- 19 Житие, Предисловие. Б/с.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С.237.
- 23 Там же. С.151, 164, 259.
- 24 Чурчић А. Указ.соч. С.26.
- 25 Житие. Предисловие. Б/с.
- 26 Славено-сербский магазин. С.84—87.
- 27 Михайловић В. О Орфелиновом латинско-руско-српскохрватско-немачком речнику из 1767. године // Споменица... С.61—65.
- 28 Славено-сербский магазин. С.6—7.
- 29 Там же. С.14, 15.
- 30 Там же. С.12.
- 31 Там же.
- 32 Бошков М. Захарија Орфелин и књижевност руског просветителства // Зборник за славистику. Нови Сад, 1974. С. 50, 51, 71.
- 33 Михаиловић Г. Указ.соч. С.80—81.